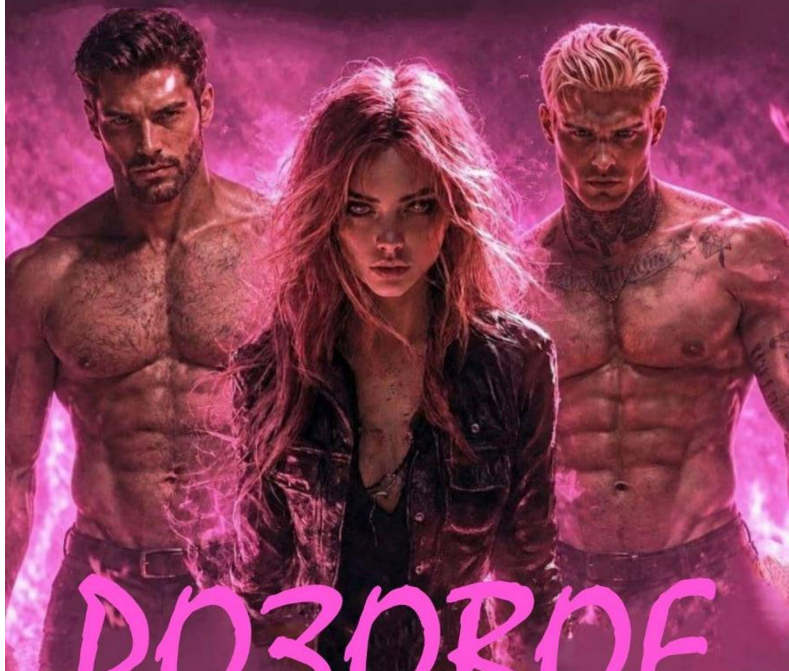

NARA MAY

ПОЗВОДЕ
ПЛАМЯ

РАЗБУДИТЬ ЗВЕЗДА

18+

Nara May

Розовое пламя

<https://litres.ru/74020688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ева сбегает от мужа-убийцы босиком по ночному асфальту. Но за кругом древних валунов ее мир сгорает. Она падает в лапы чужим зверям - в реальность, где правят оборотни, а люди лишь добыча.

Альфа Адам берет ее в плен. Его волк рычит: «Истинная». Сам Альфа сжимает челюсти: дерзкая человечка, от которой сводит скулы. Он хочет сломать ее. Она плюет ему в лицо.

Но Ева не просто женщина. В ее теле дремлет «Искра» - магия жизни, которая заставит зверей встать на колени.

Теперь за нее война. Золотой Альфа Ян хочет украсть ее. Бывший муж идет по следу с серебряными пулями. А Адаму предстоит понять: эту женщину не завоевывают силой. Ее заслуживают, стоя на коленях.

Она - его розовое пламя. Он - зверь, который молит ее остаться.

Дарк-фэнтези. Страсть, от которой плавятся кости. 18+

Содержание

Глава.1	4
БОСАЯ В НОЧИ	4
Глава.2	13
СТАРЫЙ ВАЛУН	13
Глава.3	23
ПРОБУЖДЕНИЕ В КЛЕТКЕ	23
Глава.4	31
ОСМЫСЛИТЬ МИР	31
Глава.5	40
АЛЬФА	40
Глава.6	51
ЧУЖАЯ СРЕДИ ЧУЖИХ	51
Глава.7	58
ВОЙНА ЗА ДОБЫЧУ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Nara May

Розовое пламя

Глава.1

БОСАЯ В НОЧИ

Ноги кричат.

Каждый шаг - как удар ножом. Я чувствую липкую теплоту крови под пальцами - живую, мою.

Асфальт под босыми ступнями кажется бесконечным. Холодный, шершавый, усыпанный мелким мусором, которого я никогда не замечала раньше. Осколки стекла, камешки, чьи-то окурки - всё это теперь впивается в кожу, оставляет свои следы. Но странное дело: я почти не чувствую боли. Только понимаю её умом. Тело работает на чистом адреналине, отказавшись от права на слабость.

В груди горит огнём. Лёгкие работают как кузнечные мехи - вдох, выдох, вдох. Словно сейчас порвутся. Будто рёбра треснут от напряжения. Я не помню, когда в последний раз так бежала. В своей прошлой жизни. В той, которая была ещё час назад.

Час назад - это целая вечность. Час назад я была другой

женщиной.

Час назад я лежала на тёплом массажном столе. Масло с запахом иланг-иланга втирали в мою спину мягкие руки. Я закрывала глаза и думала: «Какой заботливый муж. Какой романтичный вечер. Как мне повезло».

Идиотка.

Я всегда была идиоткой, когда дело касалось Стаса.

Мокрая майка липнет к спине. Джинсы натянуты наспех - я даже не застегнула пуговицу, просто дёрнула молнию и побежала. В раздевалке было темно, я шарила руками по полкам, хватала что попало. Это не моя майка. Чужая, слишком большая, с чьим-то дурацким принтом на груди. Кажется, там нарисована улыбающаяся панда. Я запомнила это. Из всего, что происходит, мой мозг счёл важным запомнить улыбающуюся панду на чужой майке.

Плевать.

Волосы - мои розовые волосы, на которые я потратила три часа в салоне и кучу денег - мокрыми тяжёлыми прядями бьют по лицу, лезут в рот, в глаза, застревают в уголках губ. Я не чувствую холода. Только огонь внутри.

Мысль пульсирует в такт шагам, в такт сердцу, в такт этому дикому, рваному дыханию.

Он хотел меня убить.

Стас.

Мой муж.

Меня.

Я выбегаю на перекрёсток. Светофор горит красным. Мне плевать. Я лечу через дорогу, и где-то слева визжат тормоза, сигналиит машина, чей-то голос орёт: «С ума сошла, дура?!»

С ума сошла.

Да.

Возможно.

Когда любишь человека, который в итоге хочет тебя убить - это нормально, сойти с ума.

Я оглядываюсь через плечо, и сердце пропускает удар.

Его фигура мелькает на другой стороне. Стас перебегает дорогу - не глядя по сторонам, расталкивая прохожих плечом. Он всегда был крупным, но сейчас кажется огромным. Чудовищным. Как будто страх увеличивает его, превращает в монстра из детского кошмара. Машины сигналият, кто-то кричит ему вслед, одна машина тормозит так резко, что слышен визг покрышек.

Стас не обращает внимания.

Его глаза - эти голубые льдинки, в которые я смотрела три года с нежностью, с любовью, с надеждой - горят бешенством.

В них нет ничего человеческого.

Он не остановится.

Он пойдёт за мной до конца.

Я сворачиваю за угол. Скольжу на мокром асфальте, падаю, разбиваю колено. Боль резкая, горячая - ещё одна ссадина к тем, что уже есть. Я смотрю на разодранную кожу, на

выступившую кровь, и думаю: «Когда я успела стать такой хрупкой? Когда моя кожа перестала быть моей защитой?»

Я вскакиваю. Бегу дальше.

Колено болит. Ступни горят. Сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди и ускачет само по себе, без меня.

Воспоминание бьёт по голове. Непрошеное. Яркое. Как нож.

Он сидел напротив меня в ресторане в нашу первую годовщину. Свечи. Розы. Шампанское. *«Ты моя жизнь, Ева. Я умру без тебя».*

Я верила.

Он целовал мои руки на свадьбе. Перед отцом. Перед всеми этими людьми в дорогих костюмах. *«Я буду беречь её. Она - моё сокровище».*

Отец смотрел и улыбался. Он был счастлив. Он думал, что отдал меня в хорошие руки.

Он ошибся.

Он умер, не узнав правды. Может, это и к лучшему.

Другое воспоминание. Свежее. С кровоточащими краями.

Мы в СПА. Я только что вышла из массажного кабинета. Меня клонило в сон - я думала, это от расслабления. Глупая. Теперь я понимаю: он что-то подмешал мне в вино.

Стас стоял у бассейна. Улыбался. *«Поплавай, родная. Вода тёплая».*

Я не хотела. Голова кружилась. Я сказала: *«Позже. Давай».*

отдохнём».

Его лицо изменилось. Сначала неуловимо. Потом - резко, как переключили рычаг. Улыбка сползла. Глаза стали твёрдыми, холодными.

«Ты поплаваешь, Ева. Сейчас!»

Он толкнул меня. Я полетела в воду, но успела зацепиться за бортик. Ударилась плечом. Боль прострелила руку, отдавалась в шею, в челюсть. Вода была тёплой - почему я запомнила эту деталь? Почему не темноту? Не панику? Не ужас?

Почему я запомнила, что вода была тёплой?

Он наклонился надо мной. Прижал к бортику, чтобы утопить. Близко. Так близко, что я чувствовала запах его парфюма - тот самый, который когда-то сводил меня с ума. Деревянный, с нотками амбры и кожи. Я покупала ему этот парфюм на день рождения. Выбирала три часа, обнюхала полмагазина, а потом радовалась, как ребёнок, когда он сказал, что это лучший подарок.

«Ты мне надоела, Ева. Ты - просто помеха. У меня есть другие, поняла? Ты нужна мне только мёртвой».

Сначала я не поверила. Не могла. Этот человек носил меня на руках. Клялся в любви. Целовал мои шрамы, мои веки, мои пальцы.

А теперь смотрел так, будто я - мусор.

Он нажал сильнее, погружая меня под воду. Я захлебнулась, закашлялась, забилась в панике. В отчаянии ударила локтем - куда попала, не видела, но попала. В лицо? В горло?

Кажется, в скулу.

Он отшатнулся, отпустил.

Я выскочила из воды. Схватила первую попавшуюся одежду. Побежала.

Он не кричал мне вслед.

Это было страшнее любых угроз.

Очнулась.

Бегу.

Где-то слева лает собака. Где-то справа играет музыка - из открытого окна, из машины, из кафе. Мир продолжает жить своей жизнью, пока моя рушится на куски. Люди смеются. Кто-то говорит по телефону. Я слышу обрывки фраз: «да, завтра в шесть», «нет, я не буду брать этот проект», «я тебя тоже люблю».

Я завидую им. Этой женщине, которая говорит «я тебя тоже люблю». Этому мужчине, который планирует завтрашний день. Этим людям, которые не знают, что такое бежать босиком по ночному городу, спасая свою жизнь.

Сердце колотится в горле - буквально, кажется, я сейчас его проглочу от страха. Дыхание сбивается, в груди свистит. Лёгкие горят, как после самого изнурительного марафона в моей жизни. Адреналин кончается, и на его место приходит усталость. Тяжёлая. Липкая. Как патока.

Но я не могу остановиться.

Не здесь.

Не сейчас.

Впереди - парк. «Старинный валун».

Я знаю его с детства. Папа водил меня сюда каждое воскресенье. Каждое воскресенье - даже когда шёл дождь, даже когда я капризничала и говорила, что хочу в торговый центр, как все нормальные дети. Мы гуляли по аллеям, ели мороженое, считали уток в пруду. Я давала им имена. Папа смеялся.

Я знаю здесь каждый уголок. Каждую тропинку. Каждый фонарный столб.

Когда Стас сказал: «*Поехали в СПА*», и назвал адрес - я обрадовалась. «*Там рядом парк, - сказала я. - Я там гуляла с папой*».

Тогда я не знала, что этот парк станет моим спасением.

Или ловушкой.

Не важно.

Сейчас - только он.

Я сворачиваю на дорожку. Под ногами - асфальт. Потом - плитка. Потом - гравийная крошка. Боль становится острее. Мелкие камешки впиваются в разодранную кожу. Я чувствую каждый. Каждый камешек. Каждый острый край. Каждое мелкое стёклышко, оставленное кем-то, кто даже не подозревал, что оно кому-то войдёт в пятку.

Я сжимаю зубы.

Бегу.

Позади - шаги. Тяжёлые. Быстрые.

Стас не отстал.

Я слышу его дыхание. Он близко. Слишком близко. Он

всегда был быстрее меня. Выше. Сильнее.

Но я знаю парк.

А он - нет.

Это моё преимущество.

Это всё, что у меня есть.

Впереди, в темноте, проступают очертания. Круг из больших валунов. Я помню их - серые, замшелые, древние. В детстве я думала, что это место силы. Что здесь живут духи. Папа смеялся, но не спорил.

Сейчас я бегу прямо к ним.

Потому что это самый короткий путь через парк.

Потому что там, за валунами - выход к людям. К улице.
К машинам. К жизни.

Я бегу быстрее.

Быстрее, чем когда-либо в жизни.

В ушах свистит ветер. В груди рвётся сердце. В ногах пульсирует боль.

Но я почти там.

Почти.

Ещё десять метров.

Пять.

Я перепрыгиваю через корень дерева, вывернувшийся из земли.

Три.

Я чувствую, как трава сменяется мхом.

Один.

И я влетаю в круг валунов.

Глава.2

СТАРЫЙ ВАЛУН

Деревья смыкаются над головой. Старые липы и дубы, которые помнят еще моего прадеда. Они стоят здесь веками. Видели революции, войны, смерти. Что им до какой-то девчонки, бегущей босиком по ночному парку?

Фонари становятся реже. Сначала через один. Потом - через два. Потом пропадают совсем.

Хорошо.

В темноте меня труднее найти.

Плохо.

В темноте я ничего не вижу.

Только луна. Она сегодня полная. Огромная. Белая. Холодная. Она заливает все серебристым светом, делает тени черными и глубокими. Кажется, что деревья шевелятся. Кажется, что у них есть глаза.

Бред.

Я просто на адреналине.

Или снотворное еще не выветрилось.

Но я знаю этот парк. Помню, как свои пять пальцев. Вот старая скамейка - здесь папа читал мне вслух «Маленького принца». Вот пруд - теперь он затянут тиной, черный и мерт-

вый, а раньше там плавали золотые рыбки. Вот ротонда - мы прятались в ней от дождя.

А вот и дорожка.

Та самая.

Она ведет к центру парка. К кругу валунов.

Старые камни. Огромные. Древние. Папа говорил, что им тысячи лет. Что здесь, задолго до того, как построили город, было капище. Что-то языческое. Темное.

В детстве я верила. Мне нравилось представлять, что это портал в другой мир. Я придумывала истории про рыцарей и драконов, про колдунов и принцесс.

Папа смеялся: *«У тебя богатая фантазия, дочка»*.

Я вбегаю в круг валунов.

И что-то щелкает.

Краем уха слышу сухой, короткий звук — выдох древней земли.

Я не останавливаюсь.

Некогда.

Стас за спиной.

Я бегу дальше.

Сначала я не заметила перемен. Просто показалось, что стало тише. Нет сигналов машин с ближайшей улицы. Нет голосов - тех редких прохожих, которые попадают на встречу. Нет лая собак из ближайших домов.

Только мои шаги. И тяжелое дыхание. И где-то далеко - шаги Стаса. Он все еще там.

Потом я поняла: гравий под ногами исчез.

Теперь это земля. Мягкая. Влажная. Пахнущая перегноем - этот запах, сырой и сладковатый, из детства. Мы с папой собирали грибы в лесу. Он учил меня отличать белый от подберезовика. Я путала. Он смеялся.

Потом земля сменилась травой. Высокой. Мокрой. Она хлещет по голым лодыжкам, оставляя полосы холодной влаги. Удивительно - насколько громко может шелестеть трава, когда бежишь по ней.

Потом - мох. Мягкий. Пружинистый. Он глушит шаги. Теперь я почти не слышу себя.

Но я бегу.

Не останавливаюсь.

Деревья становятся толще. Старше. Их стволы в два обхвата, корни уходят глубоко в землю, ветви сплетаются над головой в плотный шатер. Они не похожи на те, что растут в городском парке. Те - ухоженные, постриженные, причесанные. Эти - дикие. Живые. Они пахнут смолой и древностью.

Чувствуется, что здесь не ступала нога садовника. Никогда.

Фонарей нет давно. Но луна пробивается сквозь листву. Пятнами света ложится на землю. Создает причудливые узоры.

Я остановилась.

Не могу больше.

Ноги подкосились. Я упала на колени - прямо в мох, пря-

мо в эту мягкую, влажную прохладу. Тяжело дышу, согнувшись пополам, упираясь ладонями в землю.

Волосы свисают мокрыми сосульками. Майка промокла насквозь - то ли от воды из бассейна, то ли от пота. Я выжи-
маю подол, и на землю капает. Темные пятна на мху.

Ступни.

Что с моими ступнями.

Я подтягиваю ноги к себе, смотрю. В лунном свете видно плохо, но достаточно, чтобы понять - это кошмар. Кожа со-
драна. Между пальцами - запекшаяся кровь, грязь, мелкие
камешки. Ногти сломаны. Один, кажется, вообще оторван.

Боль притупилась. Или нервы просто отключились —
слишком много сигналов за последние полчаса.

Я медленно поднимаюсь. Ступни горят, но терпимо. Хро-
маю.

Оглядываюсь.

Лес.

Везде лес.

Нет ни дорожек, ни скамеек, ни урн. Ни табличек «Не со-
рить» и «Береги природу». Никаких следов человека. Ника-
ких.

Где бегуны в наушниках? Где велосипедисты? Где мамоч-
ки с колясками, которые гуляют здесь даже ночью, потому
что мужья вечно на работе?

Я одна.

Совсем одна.

И тишина.

Такая тишина, что уши закладывает. Как в вакууме. Как под водой.

Нет птиц. Нет сверчков. Нет комаров - хотя в парке их всегда полно, особенно у пруда.

Ничего.

Только ветер. Но и он какой-то странный - не шевелит листья, не гнет траву. Просто... есть. Дуновение. Холодное. Чужое.

Что-то не так. Воздух другой. Он не пахнет городом. Со всем.

Я сделала шаг. Второй. Иду вперед, хромая, оставляя кровавые следы на мху. Наверное, если идти прямо - рано или поздно выйду куда-то. К людям. К свету.

Надо верить.

Без веры - конец.

И тут я слышу рык.

Низкий. Гулкий. Он вибрирует в воздухе, и я чувствую эту вибрацию телом. Волосы на руках встают дыбом. Затылок холодеет.

Я замираю.

Не дышу.

Из темноты между деревьями выходят они.

Пятеро мужчин.

Огромных. Нет - не просто огромных. Гигантских.

Я занимаюсь фитнесом. Я видела мускулистых парней в

спортзале. Но эти - другие. Они шире в плечах. У них руки толщиной с мое бедро. И грудь - как бочка.

Они одеты вроде бы обычно. Джинсы. Кожаные куртки. Черный низ, кажется футболка. Но что-то не так. Я не могу понять - что. Может, крой? Может, ткань слишком грубая? Или дело в том, как они двигаются?

Плавно. Бесшумно. Хищно.

Они не идут - они скользят. Как змеи. Как волки.

А их глаза светятся.

Желтым. Золотым. Волчьим.

Я делаю шаг назад. Пяткой наступаю на что-то острое, вздрагиваю от боли, но не вскрикиваю.

Не при них.

Ни звука.

Они приближаются. Останавливаются в двух метрах. Смотрят.

Черноволосый, с тяжелой челюстью, втягивает носом воздух. Громко. Животно. Ноздри раздуваются.

- Пахнет, - говорит он. - Чуешь?

Светловолосый, с острым лицом, щурится. Тоже нюхает.

- Чую. Сладкая. Необычная.

- С каких пор сладкая значит «чужая»? - рычит третий, самый большой. - Территория наша. Значит, и добыча наша.

- Добыча упала на землях Яна. И его люди первые ее нашли. Это его право по закону.

- Ян далеко. А мы здесь. И мы первые ее взяли. Наша.

Они говорят обо мне. Как о вещи. Как о куске мяса. Спорят, кому достанется.

Я стою и смотрю на них. Пятеро мужчин с волчьими глазами, которые делят мою шкуру, даже не спросив моего мнения.

- А если Альфа узнает? - подает голос четвертый, до этого молчавший. - Он не простит, если мы отдадим человечку чужакам.

- Альфе плевать на человечку, - отмахивается черноволосый. - У него своих забот полно.

- А если это не просто человечка? - щурится светловолосый. - Ты чувствуешь ее запах? У обычных людей такого нет.

- Говорю же, сладкая, - сплевывает самый большой. - Может, больная? Вон волосы розовые. У людей такое бывает?

- Не знаю, - пожимает плечами четвертый. - Никогда такого не видел.

- Может, это магия?

- Какая магия? Она человек. Люди не колдуют.

- Тогда почему у нее розовые волосы?

- Откуда я знаю? Может, она уродка.

Все пятеро поворачиваются ко мне. Смотрят. Изучают. Как звери, которые рассматривают невиданную добычу.

Я выпрямляюсь. Насколько могу - они все равно выше меня на голову. Поднимаю подбородок.

- Эй, - говорю. Голос срывается, хрипит, но я все равно говорю. - Эй, придурки. Я здесь. И я не добыча. И не чело-

вечка. Я - человек. Понятно?

Они переглядываются.

- Слышали? - скалится светловолосый. - Она говорит, не добыча.

- А кто же? - усмехается черноволосый. - Принцесса?

- Я не знаю, кто вы такие, - цежу я сквозь зубы. - И где я.

Но у меня муж... у меня есть муж, он...

Я замолкаю.

Что я скажу?

Муж хочет меня убить?

Муж гонится за мной?

Муж - единственное, от чего я бегу?

- Муж, - повторяет самый большой. В его голосе презрение. - И что, муж придет тебя спасти?

Я молчу.

Он скалится. Зубы у него крупные. Белые. Острые.

- То-то.

- Хватит, - рычит светловолосый. - Надо решать. Ян не простит, если узнает, что мы отдали его добычу. А мы на его земле.

- Мы на земле стаи Черного Клыка, - поправляет черноволосый. - Граница здесь. Ничья земля. Кто первый нашел - того и добыча. А мы первые, кто схватил.

- А если Ян придет?

- Пусть приходит. Поговорим с ним по-мужски.

Они снова переглядываются. И, кажется, приходят к ка-

кому-то решению.

Самый большой тянет ко мне руку. Огромную. С широкими пальцами. С грязными ногтями.

- Идем, человечка. Альфа разберется, что с тобой делать.

Я не думаю.

Я бью.

Ладонью по лицу. Звонко. Сильно. Так, что звук разносится по всей поляне - звонкий, как пощечина в тишине библиотеки.

Он даже не моргнул.

Просто смотрит. Чешет щеку, где отпечаталась моя ладонь. И усмехается.

- Дерзкая, - говорит он. - Альфе понравится.

Меня хватают.

Самый большой - тот, что тянул ко мне руку - перекидывает меня через плечо. Как мешок с картошкой. Головой вниз. Кровь приливает к лицу, к глазам, к ушам.

- Отпустите меня! - ору я. - Слышите? Я не игрушка! Я человек!

- Молчи, человечка, - говорит тот, кто несет меня. Его голос спокойный, даже скучающий. - Сама пришла. Сама и останешься.

- Ян этого так не оставит! - кричат двое, которые остались на поляне. Их голоса удаляются - меня уносят в другую сторону. - Скажите своему Альфе - Ян придет за ней! Это его добыча по праву!

Тот, кто несет меня, только сплевывает на землю.

- Передайте своему Яну - пусть идет лесом. Эта человечка теперь наша.

Мир качается. Вверх-вниз. Я вижу землю, усыпанную листьями. Луну в разрывах ветвей. Темные стволы деревьев.

Землю. Луну. Стволы.

Боль в ногах становится далекой. Чужой. Как будто это не мои ноги болят, а чьи-то другие.

Страх - тоже.

Наваливается усталость. Тяжелая. Мягкая. Обволакивающая.

Глаза слипаются.

Не здесь. Не сейчас. Не отключайся.

Но тело не слушается.

Я из последних сил пытаюсь держать глаза открытыми. Цепляюсь за сознание. Но оно ускользает. Как песок сквозь пальцы.

Последнее, что я помню - запах.

Лес. Шерсть. Дым костра.

И что-то сладкое.

Мандарины? Карамель? Гроза?

Откуда в лесу карамель?

А потом - темнота.

Полная.

Глубокая.

Без снов.

Глава.3

ПРОБУЖДЕНИЕ В КЛЕТКЕ

Сознание возвращается медленно. Тяжело. Как будто я всплываю со дна океана - сквозь толщу воды, сквозь темноту, сквозь паническое желание вдохнуть.

Я вдыхаю.

И тут же задыхаюсь от запаха.

Сырость. Плесень. Камень. И что-то еще - животное, острое, чужое. Шерсть? Кровь?

Я открываю глаза.

Надо мной - каменный потолок. Темный, с влажными разводами. Где-то капает вода. Кап. Кап. Кап. Каждый звук отдается в висках.

Голова раскалывается.

Я лежу на чем-то жестком. Дерево? Камень? Пахнет гнилой соломой. Под щекой - что-то грубое, колючее. Я поворачиваю голову и вижу: мешковина, набитая сеном. Лежанка. Не кровать. Не матрас. Лежанка, как в собачьей конуре.

Паника накатывает, но я сжимаю зубы и заставляю себя дышать. Глубоко. Медленно. Йога. Я занималась йогой три года. Я умею контролировать дыхание.

Вдох. Выдох.

Сейчас не время для истерики.

Я села. Комната кружится перед глазами, но я жду, пока мир застынет на месте.

Каменная комната. Решетка. Окно под потолком - маленькое, затянутое грязным стеклом, сквозь которое пробивается тусклый свет. Дверь не деревянная - железная решетка. Прутья толстые, с палец толщиной. Между ними можно просунуть руку, но не плечо.

Не вылезти.

Я осмотрела себя.

Майка - та самая, чужая, с дурацким принтом - грязная, в пятнах крови и земли. Джинсы - тоже, колено разорвано, когда я падала на асфальте. Пуговицу я так и не застегнула, молния держится на честном слове.

Босиком.

Ступни.

Я смотрю на ноги и морщусь. Кровь запеклась, смешалась с грязью. Между пальцами - мелкие камешки. Ногти сломаны. Один палец распух и посинел - кажется, я его вывихнула.

Но я цела.

Жива.

Пока жива.

Волосы спутаны в колтун. Я провожу рукой и чувствую, что мои розовые пряди превратились в грязные сосульки. Пахнет потом и дымом.

Пальцы нашупывают пирсинг в ухе - маленькая сережка

на месте. В носу - камушек. Я трогаю его машинально. Я его почти не замечаю обычно, но сейчас он напоминает мне, кто я. Ева. Та, что сделала пирсинг назло мужу. Та, что не снимает его, даже когда Стас морщится.

Маленькая победа. Но она есть.

Голова болит. Во рту сухо, как в пустыне. Я хочу пить. И есть. И мыться. И домой.

Но домой нельзя.

Там - Стас. А Стас хочет меня убить.

Я отгоняю эту мысль. Потом. Сначала - разобраться, где я.

Я поднялась. Ноги дрожат, но держат. Пол холодный - камень, ледяной. Ступни мерзнут, боль становится ноющей, тянучей. Я сделала несколько шагов к решетке, схватилась за прутья.

Крепкие. Не шатаются.

Проверила замок. Старый, массивный. Без ключа не открыть.

Маленькое окно под потолком - я даже не дотянусь, если встану на цыпочки. А если и дотянусь - не пролезу. Щель слишком узкая.

Я в клетке.

Настоящей клетке.

Прислонилась лбом к холодным прутьям и закрыла глаза.

И тут я слышу звуки.

Сначала не понимаю, что это. Шум. Много шумов. Откуда-то сверху - через то самое маленькое окно - доносятся го-

лоса. Мужские. Грубые. Они смеются - раскатисто, громко, как будто ничего не боятся.

Лязг металла. Где-то что-то ударяют. Может, кузница? Может, оружие?

И рык.

Животный, низкий, от которого волосы встают дыбом. Я не знаю, что издает такие звуки. Собаки? Но собаки так не рычат. Это что-то крупное. Злое. Дикое.

Я вжалась спиной в стену.

Голоса приближаются. Теперь я слышу слова - обрывки, выхваченные из шума:

«...привели человечку...»

«...розовые волосы, больная, наверное...»

«...Альфа еще не видел...»

Альфа.

Я слышу это слово и не понимаю. Альфа? Что это? Имя? Титул? В волчьих стаях есть Альфа - самый сильный самец.

Но это же не волчья стая.

Это не может быть волчья стая.

Люди не живут стаями.

Мне нужно больше информации. Я подошла к решетке и прижалась ухом к прутьям.

Ничего. Тишина. Они отошли.

Я опустилась на корточки. Обхватила колени руками. Грязные ступни мерзнут на ледяном полу.

Жди. Сейчас кто-то придет.

И пришли.

Я слышу шаги. Несколько пар. Легкие - не тяжелая поступь мужчин, которые меня тащили. Женские.

Я подняла голову.

У решетки стоят три женщины.

Одеты просто, но добротнo. Шерстяные платья темных цветов - серого, коричневого, черного. Кожаные жилеты поверх. Волосы заплетены в косы или собраны в узлы. Никакой косметики. Никакой бижутерии. Только одна - с рыжими волосами - носит на шее тонкий кожаный шнурок с каким-то зубом.

Смотрят на меня.

С любопытством. И с опаской.

Как на зверя в клетке. Как на странную, непонятную вещь.

- Ты очнулась, - говорит одна. Та, что постарше. В голосе нет злости. Только констатация.

- Где я? - мой голос хрипит. Горло пересохло. - Кто вы?

Женщины переглянулись.

- Ты в землях стаи Черного Клыка, - отвечает старшая. -

Ты чужая. Альфа решит твою судьбу.

- Какой Альфа? - я встала, подошла к решетке. Схватила за прутья. - Кто здесь главный? Позовите его. У меня есть права. Я человек. Вы не имеете права...

Они перебили меня взглядами.

- Права? - рыжая усмехнулась. - Здесь нет прав, человечка. Есть воля Альфы.

- Не называйте меня человечкой, - цежу я. - У меня есть имя. Ева.

Рыжая снова усмехнулась, но старшая бросила на нее быстрый взгляд, и та замолчала.

Старшая протянула мне сквозь прутья что-то завернутое в тряпицу.

- Ешь.

Я развернула.

Хлеб. Грубый, темный, с твердой коркой. Вода в глиняной кружке. И кусок мяса - кажется, курица. Холодная, но свежая.

Желудок свело от голода. Я даже не заметила, как хочу есть. Но я не бросилась на еду. Взяла. Медленно.

- Что? - спросила я, не понимая. Слова даются с трудом. Благодарности нет.

Женщина кивнула. Она уже повернулась уходить, но я успела.

- Подождите. Пожалуйста. Я не знаю, где я. Не знаю, что здесь происходит. Помогите мне.

Она остановилась. Посмотрела на меня. В глазах - что-то похожее на жалость. Или на усталость.

- Не могу помочь, челове... Ева, - поправила себя. - Здесь чужим не помогают. И дерзким - тоже. Ты странная. Дерзкая. Таких здесь не любят.

- Мне плевать. Мне нужно домой.

- Нет пути домой, - тихо сказала она. - Ты перешла через

валуны. Обратной дороги нет.

И ушла.

Рыжая бросила на меня последний взгляд - любопытный, почти злой - и пошла за ней.

Но третья задержалась.

Она моложе - на вид лет двадцать. Русые волосы, заплетенные в толстую косу. Серые глаза смотрят с каким-то странным выражением. Не любопытство. Не злость. Что-то другое.

Она оглянулась - не смотрит ли кто - и быстро просунула сквозь прутья что-то в мою сторону.

Я не поняла сначала.

Потом увидела.

Башмаки.

Грубые, кожаные, на толстой подошве. Ношенные, но целые. Внутри - что-то мягкое, похожее на шерсть.

- Что это? - спросила я.

- Обуйся, - шепнула она. - Пол холодный. Ты человек. Человеческая женщина может заболеть. Мы - волчицы - не бодем от холода. А ты - заболеешь.

Я смотрю на нее. Не понимаю.

Волчицы?

- Вы... вы кто? - язык не поворачивается спросить то, что я боюсь услышать.

Она не ответила. Только посмотрела. Глаза у нее не серые. Они светятся. В полумраке подвала - золотым.

- Обуйся, - повторила она. - А если спросит кто - не говори, что это я. Нельзя.

И ушла. Быстро. Почти бегом.

Я осталась одна с башмаками в руках.

Смотрю на них. Грубая кожа. Толстая подошва. Внутри - мех.

Ее глаза светились в темноте.

Желтым.

Золотым.

Волчьим.

Она сказала «мы - волчицы».

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Глава.4

ОСМЫСЛИТЬ МИР

Я сижу на лежанке. Башмаки стоят рядом. Я их не надела - пока не надела. Смотрю и не могу заставить себя прикоснуться.

Потому что, если надену - значит, принимаю помощь от той, кто называет себя волчицей.

А если принимаю - значит, признаю, что они реальны.

А если они реальны...

Трясу головой. Нет. Не может быть. Я сошла с ума. Слишком много пережила за последние часы, и мозг просто сломался.

Может, я в психушке?

Звучит логично. Погоня. Муж-убийца. Розовые волосы. Мозг не выдержал и сгенерировал это. Клетку. Волков, которые говорят. Женщин со светящимися глазами.

Да. Точно.

Я ущипнула себя за руку. Больно. Сильно.

Не проснулась.

Ущипнула еще раз. Еще.

Кровь выступила. Больно.

Не проснулась.

Я сжала кулаки и ударила ими по лежанке. Соломенная пыль взлетела в воздух, я чихнула. По-настоящему. Громко.

Не проснулась.

Это не сон.

Я закрыла лицо руками. Сидела так несколько минут. Может, час. Не знаю. Время здесь тянется вязко, тяжело. Как смола.

Потом я убрала ладони. Посмотрела на башмаки.

«Пол холодный. Ты человек. Человеческая женщина может заболеть».

Она сказала это. И сказала *«мы - волчицы»*.

Значит, есть не-волчицы. Люди. Обычные люди, которые тоже здесь живут.

Как та девушка, что принесла хлеб и мясо и воду - она была человеком? Или волчицей? Не знаю. Я не заметила, светились ли ее глаза.

А у той, что принесла обувь - светились. Я точно видела. Золотом.

Оборотни. Слово пришло само. Я не искала его - оно всплыло из глубины, из детских сказок, из фильмов ужасов, из книг, которые я читала тайком от отца.

Они существуют. Здесь.

Я смотрю на разодранные ступни. Холодно. Пол ледяной. Я человек - могу заболеть. Старшая женщина сказала: *«Нет пути домой. Ты перешла через валуны».*

Валуны. Круг старых камней в парке. Детские сказки про

портал в другой мир.

Папины насмешки: «*У тебя богатая фантазия, дочка*».

Фантазия оказалась правдой.

Я медленно натянула башмаки. Кожа грубая, несгибаемая. Но внутри - мягкий мех. Тепло. Странное чувство - будто кто-то заботится. В этом месте, где меня называют «человечкой», держат в клетке, говорят: «*Альфа решит твою судьбу*» - кто-то заботится.

Маленькая девушка с русыми косами и светящимися глазами. Волчица. Она сказала: «*Не говори, что это я. Нельзя*». Значит, нарушила правила. Помогла мне.

Зачем?

Не знаю. Но я запомнила. Это может пригодиться.

Голод напомнил о себе резким спазмом в желудке. Я посмотрела на еду - хлеб, мясо, вода в глиняной кружке. Всё ещё там, у решётки. Я оставила их, даже не притронувшись.

Глупо. Я не ела с самого обеда. А до обеда был только кофе и йогурт. Потом был СПА. Потом - побег.

Сколько часов прошло? Пять? Семь? Десять?

Я поднялась. Ноги в новых башмаках чувствуют себя странно - тяжело, непривычно. Но тепло. Холод от пола больше не пробирается сквозь ступни.

Дошла до решётки, взяла хлеб. Корочка твёрдая, почти каменная. Я откусила. Вкус - пресный, чуть кисловатый. Не такой, как в моём мире. Другой. Может, зерно другое? Или просто я никогда не ела настоящий чёрный хлеб без консер-

вантов?

Жую медленно. Слюны во рту почти нет, сухие крошки царапают горло. Я отпила воды из кружки. Тёплая. Пахнет глиной. Но чистая. Хорошо.

Мясо холодное, жестковатое, но я не разбираю вкуса. Просто ем. Ем потому, что надо выжить. А выживание начинается с того, что ты не даёшь себе умереть от голода.

Когда закончила, я вытерла руки о джинсы. Грязные. Мои пальцы - тоже. Под ногтями чёрная земля. Я не помню, когда мыла руки в последний раз. Может, в СПА. Может, в другой жизни.

Я снова села на лежанку. Согнула колени, обхватила их руками.

Ладно. Допустим, я не сошла с ума. Допустим, перешла через валуны в другой мир. Допустим, здесь есть оборотни. И я у них в плену.

Что дальше?

Дальше - нужно выжить.

А для этого - понять их правила.

Я начала вспоминать всё, что видела и слышала.

Пятеро мужчин в лесу. Говорили о каком-то Альфе. Спорили, чья я. Кричали про какого-то Яна. *«Ян этого так не оставит».* *«Эта человечка теперь наша».*

Ян - имя. Альфа из другой стаи? Говорили, что я упала на его земле.

Альфа - главный. Вожак. Тот, кто решает.

Тот, кто решит мою судьбу.

Женщина у решетки сказала: «*Альфа ещё не видел*». Значит, ещё не приходил. Не смотрел на меня.

Когда придёт - неизвестно. Может, через час. Может, завтра. Может, никогда.

Но я должна быть готова.

И тут меня накрыло.

Волной. Чёрной. Тяжёлой.

Я не знаю, что это было - страх, отчаяние, усталость, слёзы, которые не вышли. Всё вместе.

Я вскочила и ударила кулаками в каменную стену. Раз. Два. Три. Боль прострелила костяшки, но я не остановилась. Ударила снова. Ещё.

- За что?! - сорвалось с губ. Голос треснул, как лёд.

Никто не ответил.

Я била стену, пока руки не заболели так, что я не могла сжать кулаки. Тогда я просто уткнулась лбом в холодный камень и стояла так. Дышала. Ждала, когда пульс замедлится.

Слёзы не пришли. Может, их не осталось. Может, я выплакала всё ещё там, в своём мире, в тот день, когда Стас посмотрел на меня пустыми глазами.

Я подняла руки. Костяшки разбиты в кровь. Ссадины на пальцах. Грязь смешалась с кровью.

Нужно перевязать. Нечем.

Я просто высунула разбитые руки вперёд, подставила холодному воздуху. Пусть кровь сворачивается сама.

Глупо. Я веду себя как ребёнок. Бью стены, калечу себя, а потом должна с этим жить.

Я выпрямилась. Сжала зубы.

Хватит.

Хватит нытья. Хватит паники.

Я - Ева. Меня не так воспитали. Папа учил меня держать удар.

Выживу.

Я встала. Башмаки непривычно тяжёлые, но ноги больше не мёрзнут. Сделала несколько шагов - звук глухой, мягкий. Не как босиком.

Теперь могу ходить. Изучать.

Прошла вдоль стен. Камень. Камень. Камень. В одном месте - щель, откуда дует холод. В другом - пятна сырости, плесень. Стены старые. Очень старые. Я провела ладонью по шершавой поверхности. Кто-то клал этот камень сотни лет назад. Кто-то жил здесь до меня. Может, не один пленник сидел в этой клетке.

На одном из камней я заметила царапины. Неглубокие, но чёткие. Буквы? Нет - просто полосы. Кто-то считал дни. Или просто царапал стену от отчаяния.

Я провела пальцами по этим царапинам. Они были старыми - края стёрлись, пыль забилась в углубления. Много лет. Может, десятилетий.

Я отдернула руку.

Не хочу думать о том, сколько людей сидело здесь до меня.

И сколько из них вышло.

Посмотрела на решётку. Прутья железные, толстые. Вварены в пол и потолок - не вырвать, не расшатать. Надёжно. Эту клетку строили не для зверей - для людей.

Замок снаружи. Не дотянуться - только просунуть руку. Я попробовала. Пальцы скользят по холодному металлу. Не достаю.

Черт.

Отошла. Посмотрела на окно. Маленькое. Грязное. Сквозь матовое стекло почти ничего не видно - только размытые пятна света. Солнце? Луна? Не пойму. Но светло. Значит, день.

Если встать на что-то... но в камере ничего нет. Только лежанка.

Не пролезть. Даже если бы я достала - щель слишком узкая.

Я вернулась на лежанку. Села. Поджала ноги.

Боль в разбитых костяшках пульсирует. Я смотрю на свои руки - грязные, с запёкшейся кровью. Волосы спутаны, пахнут дымом и потом. Майка когда-то была белой, теперь серая.

Но я дышу.

Я жива.

Значит, не всё потеряно.

Закрыла глаза. Думай, Ева. Ты не дура. Ты помогала отцу с кредиторами, выбивала скидки у поставщиков, разрулива-

ла конфликты в автосалоне Стаса.

Это те же переговоры.

Только ставки выше.

Не деньги. Жизнь.

Я открыла глаза.

- Ладно, - сказала вслух. Голос в пустой камере звучит глухо.

Смотрю на замок. На прутья. На окно.

Замечаю детали.

Замок старый. Может, сбить? Чем-то тяжёлым.

Но чем? Нет ничего.

Прутья. Если каждый день раскачивать - может, расшатываются.

Но сколько времени дадут? День? Два?

Когда придет этот Альфа - может убить. Или оставить. Или сделать что-то похуже.

Не знаю.

Не знаю их правил.

Значит, нужно узнать.

Буду смотреть. Слушать. Запоминать. Кто приходит. Когда. Что говорят.

Я - человек. Слабее. Но умнее. Я сжала кулаки. Боль от разбитых костяшек отрезвляет.

Выживу. Отсюда выберусь.

Вернусь в свой мир. К Стасу. Заставлю заплатить.

Но сначала - понять правила.

Прислушиваюсь к звукам сверху. Голоса. Смех. Лязг. За-
поминаю.

Каждое слово. Каждый звук.

Это моя карта. Моё оружие.

Пока единственное

Глава.5

АЛЬФА

Трое суток.

Трое суток в каменном мешке. Трое суток сырости, холода и этого мерзкого запаха плесени, который въелся в волосы, в кожу, в майку. Я спала на мешковине, набитой сеном. Ела грубый хлеб и холодное мясо. Пыталась не думать о том, что будет. Не получалось.

Каждую ночь я прокручивала в голове тот вечер в СПА. Лицо Стаса. Ледяной голос: «Ты мне надоела». Его руки, толкающие меня в воду. Если бы я не ударила... если бы замешкалась на секунду...

Я бы не сидела сейчас в этой клетке.

Я бы лежала на дне бассейна.

Трясу головой. Не сейчас. Сейчас нельзя раскисать.

Башмаки стоят в углу. Я так и не надела их. Та девушка, волчица с русыми косами, принесла их тайком. Если кто-то узнает - ей будет плохо. Я не хочу её подставлять. И потом... если я надену чужую обувь в этом мире, это будет значить, что я смирилась. А я не смирилась.

Я лучше буду мерзнуть.

Сегодня утром я поняла, что что-то меняется. В мутном

окне под потолком стало светлее. Не на много - стекло грязное, почти ничего не видно, но свет пробивается ярче, чем раньше. Утро? День? Я уже сбилась со счёта.

Шаги.

Тяжёлые. Не женские.

Я вскочила с лежанки, прижалась спиной к стене. Сердце заколотилось где-то в горле.

Трое.

Те же, что схватили меня в лесу. Я их узнала. Черноволосый с тяжёлой челюстью. Светловолосый с острым лицом. И тот, самый большой - он нёс меня через плечо, как мешок.

Они остановились у решётки. Смотрят. Светловолосый усмешается, черноволосый хмурится. Самый большой просто изучает меня - холодно, без эмоций.

- Альфа Адам требует тебя, - говорит светловолосый. - Веди себя достойно, человечка.

Адам. Я запоминаю имя. Адам. Альфа Адам.

- Если вы называете меня человечкой ещё раз, - цежу я. - Я покажу вам, на что способна человечка.

Он скалится. Зубы крупные, белые. Острые.

- Дерзкая, - говорит он. - Альфе понравится.

Или не понравится. Мне всё равно.

Замок лязгает. Решётка открывается. Меня выводят наружу.

Сначала я жмурюсь - даже тусклый свет кажется ярким после трёх дней в полутьме. Потом привыкаю и начинаю

смотреть.

Мы идём по каменному коридору. Стены грубые, сложенные из огромных валунов. Но на стенах - не факелы. Я замечаю светильники. Металлические, странной формы, внутри что-то горит ровным жёлтым светом. Не лампочки - но что-то похожее. Какая-то местная технология.

Пахнет смолой и сыростью.

Мужчины идут впереди и сзади. Я в середине. Как конвойный - как будто я могу сбежать. Босиком, в грязной майке, с разодранными ступнями. Очень опасная преступница.

Мы выходим из подземелья. Я делаю несколько шагов и останавливаюсь.

Дом.

Огромный.

Из тёмного дерева и грубого камня. В несколько этажей. Высокие окна - в некоторых вставлено стекло, в некоторых просто щели, затянутые чем-то прозрачным. Крыша из тёмной черепицы, покрытой мхом.

Вокруг - другие постройки. Кузница, из которой доносится лязг металла. Длинное здание, похожее на общую трапезную. И дальше - стоят машины. Несколько. Тёмные, мощные, с большими колёсами. Не такие, как в моём мире - грубее, больше похожи на военные внедорожники. Но это машины. Значит, здесь есть технологии. Не средневековье.

А люди. Везде люди.

Воины в кожаных куртках и грубых штанах тренируют-

ся во дворе - рубят мечами деревянные чучела. Недалеко от них, под навесом, висит лампа. Настоящая лампа с проводом. Значит, электричество есть.

Женщины идут с вёдрами. Одна развешивает бельё на верёвках. Другая стоит у открытого огня с кастрюлей. Но рядом я замечаю что-то похожее на старую газовую плиту.

Странный мир. Смесь. Древние обычаи - и современные вещи. Войны и мечи - и машины, и лампочки.

И все — оборачиваются. Смотрят на меня. Шепчутся.

«...человечка...»

«...розовые волосы...»

«...странная...»

«...Альфа её позвал...»

Я иду босиком по каменным плитам. Холодно. Камешки впиваются в разодранную кожу. Я стараюсь не хромать, не показывать боль.

Взгляды жгут спину.

Я поднимаю подбородок. Смотрю прямо перед собой.

Не опущу. Не дождутся.

Мы входим в дом. Двери тяжёлые, дубовые, окованные железом. За ними - большой зал.

Здесь темно, но тепло. Посередине - очаг. Открытый огонь. Дым поднимается к потолку и уходит куда-то вверх, в отверстие. Вокруг очага - грубые скамьи. На стенах - шкуры. Медвежьи, кабаньи. Оружие. Мечи, топоры, копья.

Но я замечаю и лампы. Под потолком - несколько светиль-

ников, похожих на те, что в коридоре. Они дают мягкий свет.

И возвышение.

В конце зала, на небольшом помосте из дерева и камня - кресло. Не трон в привычном смысле. Массивное, резное, с высокими подлокотниками. На спинке - вырезанные головы волков.

И на нём - он.

Я смотрю и не могу отвести глаз.

Брюнет. Волосы короткие, жёсткие. Низкие брови - тяжёлые, нависающие над глазами. Взгляд тёмно-карий, почти чёрный. Скулы широкие, ровные, покрытые лёгкой небритостью. На руках - открытые предплечья - видны белеющие полосы шрамов. Мелкие, но есть. Много.

Он одет просто. Чёрная футболка - обтягивающая, я вижу рельеф груди, плечи, накачанные руки. На ногах - грубые штаны и высокие ботинки.

Сидит, откинувшись на спинку. Смотрит.

И от этого взгляда у меня внутри что-то переворачивается.

Не страх.

Нет.

Что-то другое. Тяжёлое. Горячее. Оно поднимается из низа живота, разливается по телу, заставляет сердце биться быстрее.

Я не знаю, что это. Я не хочу это знать.

Меня подводят ближе. Воины останавливаются в двух ша-

гах от помоста. Я остаюсь одна - маленькая, грязная, босая, розоволосая - под этим тяжёлым взглядом.

Адам встаёт.

Медленно. Не спеша.

Он огромный. Я и не представляла, что мужчина может быть таким широким в плечах. Он возвышается надо мной на этом помосте, и я смотрю снизу-вверх.

Он спускается.

Один шаг. Второй.

Подходит.

Останавливается в полуметре.

Я чувствую его запах. Дым. Кожа. Что-то лесное - хвоя, земля. И ещё - мужской, тяжёлый, от которого у меня перехватывает дыхание.

Он смотрит на меня сверху вниз.

Я смотрю снизу-вверх.

Не отвожу взгляд.

И тут он делает то, от чего волосы встают дыбом.

Он втягивает воздух.

Громко. Животно. Ноздри раздуваются, грудь поднимается. Он нюхает меня - открыто, без стеснения. Как зверь.

Я замираю. Не дышу.

Он обходит меня. Медленно. Я кручу головой, слежу за ним - не хочу, чтобы он был у меня за спиной, не хочу, чтобы приближался сзади.

Он останавливается сбоку. Снова нюхает - мои волосы. Я

чувствую его дыхание на шее - тёплое, и от этого тепла по коже бегут мурашки.

Рык.

Низкий, горловой. Он вырывается из его груди раньше, чем Адам успевает его сдержать.

Я вздрагиваю. Плечом - непроизвольно. И тут же злюсь на себя за эту слабость.

Он хватает меня за руку.

Пальцы сжимают запястье - жёстко, почти больно. Я дёргаюсь, но не вырываюсь. Бесполезно.

- Почему у тебя розовые волосы? - его голос низкий, рокочущий. - Ты больна?

Я выдыхаю. Смотрю в его тёмные глаза.

- Это краска, гений, - срывается с моего языка. - У вас тут что, салонов красоты нет?

Он замирает.

Хмурится.

- Что это? - спрашивает. Серьёзно. Без насмешки.

Я смотрю на него. Не понимаю.

- Что - «что»? Салон красоты? Ну, место, где красят волосы, делают маникюр, окрашивание...

Он молчит.

Просто смотрит.

Его взгляд скользит по моим волосам, по лицу, по пирсингу в носу - маленький бриллиант, который Стас ненавидел. Останавливается на ухе - сережка в виде крошечной розы.

- Вы что...? - я слышу, как голос становится тише. - Вы правда не знаете? Где я, мать вашу?

Адам наклоняет голову. В его тёмных глазах - что-то новое. Не гнев. Любопытство? Изумление?

- В моём доме, - говорит он. - И ты будешь отвечать на вопросы. Или...

В его голосе - угроза. Тихая. Спокойная. Как сталь.

И меня это бесит.

- Или что? - перебиваю я. - Убьёшь? Только попробуй, зверюга.

Тишина.

В зале - тишина, которой не было раньше.

Я слышу, как потрескивают дрова в очаге. Как кто-то сглатывает - громко, испуганно. Как скрипит кожа на чьей-то куртке - кто-то сжимает кулаки.

Я не оборачиваюсь. Не хочу видеть их лица.

Я смотрю только на него.

На Альфу. На Адама.

Он смотрит на меня. Долго. Так долго, что я начинаю чувствовать себя неуютно.

И тут я замечаю.

Его дыхание сбилось.

Грудь поднимается чаще, чем нужно. Взгляд изменился - стал тяжелее. Темнее.

Он отшатывается.

На полшага. Не больше.

Проводит рукой по лицу - трёт подбородок, щёку, лоб. Как будто пытается прогнать наваждение.

И говорит - не мне. Себе. Тихо. Я едва слышу:

- Не может быть... Она же человек...

Я не понимаю, о чём он.

Потом он поднимает голову. Смотрит на воинов, что привели меня.

- Отмыть её, - голос снова твёрдый, властный. - Переодеть.

И привести снова.

Они кивают. Тот, светловолосый, хватает меня за локоть.

Но я вырываюсь.

Не сильно - просто отшагиваю.

- А может, ты меня отпустишь? - говорю я. - У меня там муж, которого надо посадить.

Адам усмехается.

Первый раз за все время.

Усмешка кривая, невесёлая. Но от неё у меня в животе что-то сжимается.

- Ты больше не в своём мире, самка, - говорит он. - Привыкай.

Самка.

Это слово должно меня оскорбить. Должно разозлить. И оно злит - но почему-то ещё и заставляет кровь приливать к щекам.

Меня уводят.

Я иду по каменному коридору, и ноги дрожат. Не от хо-

лода. Не от страха. Я не знаю от чего.

Зла.

Я зла.

«Он смотрел на меня как на вещь. Как Стас. Все мужики одинаковые».

Но внутри - внутри что-то шевелится.

Тот жар, который поднялся, когда он стоял рядом. Когда нюхал мои волосы. Когда смотрел своими чёрными глазами.

Он до сих пор не прошёл. Я трясую головой. Отгоняю.

Нет. Не смей. Он твой тюремщик. Он - зверь. Он назвал тебя «самкой».

Злись, Ева. Злись.

Но тело не слушается.

Мы проходим мимо той девушки - волчицы с русыми косами. Она стоит у стены с ведром воды, опустив голову.

Но когда мы поравнялись, она поднимает глаза.

Смотрит на мои ноги. На башмаки, которых нет.

И я вижу - она замечает. В её глазах мелькает что-то - благодарность? Облегчение?

Я не выдала её. Она кивает - едва заметно.

Я отворачиваюсь.

Меня ведут мыться.

И я знаю, что это не забота.

Это подготовка.

Альфа будет смотреть на меня снова.

И я не знаю, что сделаю, когда его чёрные глаза опять ока-

жутся, напротив.

Боюсь, что ударю.

И боюсь, что не ударю.

Глава.6

ЧУЖАЯ СРЕДИ ЧУЖИХ

Вода - теплое блаженство после трех дней сырости и холода.

Я не хочу расслабляться. Я не хочу позволить себе наслаждаться. Но когда женщины ведут меня в купальни, когда я вижу большую деревянную шайку с горячей водой - я сдаюсь. Хотя бы на минуту.

Их трое. Молчаливые, сосредоточенные. Они не спрашивают моего согласия - просто раздевают.

Моя грязная майка падает на каменный пол. Джинсы - колено разорвано, ткань в пятнах крови - тоже. Я стою перед ними голая, босая, дрожащая. Не от холода - от унижения.

И одна из них замирает.

Ее взгляд упирается в мое бедро. В татуировку. Пионы от талии до колена - тонкая вязь, изящные линии, розовые и черные, обвивающие кожу.

- Что это? - ее голос дрожит. - Шрамы? Магия?

Остальные тоже смотрят. Одна протягивает руку, касается рисунка. Водит пальцами по линиям, как будто пытается стереть.

- Это не стирается, - говорю я. - Это навсегда.

- Как... - она не понимает. - Как это сделано?

- Игла. Краска. Много часов боли. Это называется татуировка. Рисунок на коже.

Они переглядываются. В их глазах - ужас и восхищение. Для них это магия. Нечто невозможное. Рисунок, который въелся в кожу и останется там навсегда.

Та девушка, что терла мое бедро, отдергивает руку. Боится.

Я хочу объяснить. Хочу сказать, что в моем мире это обычное дело, что миллионы людей носят рисунки на теле, что это не магия, а искусство. Но смотрю в их испуганные лица и понимаю - бесполезно. У них нет слов для этого. Нет понятий.

- Забудьте, - говорю я. - Все равно не поймете.

Они не спорят.

Теперь начинают мыть. Одна держит меня за плечо - пальцы крепкие, не вырваться. Другая льет теплую воду на волосы - я закрываю глаза, и на секунду мне кажется, что я в СПА, что сейчас открою их и увижу белый потолок, услышу расслабляющую музыку.

Но открываю - каменные стены. Грубые светильники. Чужие лица.

Третья трет какой-то пахучей массой - травы, смола, что-то еще. Мыло. Местное мыло. Пахнет лесом и дымом.

Грязь смывается. Я смотрю на мутную воду, стекающую в щели между камнями, и чувствую, как вместе с грязью ухо-

дит часть этого кошмара. Не вся. Но хотя бы немного.

Они трут мои волосы. Сначала осторожно, потом сильнее - распутывают колтуны. Больно. Я шиплю, сжимаю зубы, но терплю. Потому что знаю: после этого станет легче.

Когда волосы отмыты, они замирают.

Я смотрю на них. Розовые пряди струятся по плечам, блещут в свете ламп. Мои волосы. Моя гордость. Здесь они выглядят иначе. Не как привычная красота - как вызов. Как что-то невозможное.

Снова переглядываются. Одна протягивает руку, касается пряди, отдергивает - как будто обожглась.

- Почему они такие? - шепчет она.

- Краска, - отвечаю я сухо. - Я покрасила их.

- Кра-ска? - она не знает этого слова. - Что это?

- Состав, который меняет цвет волос. В моем мире женщины красят волосы в разные цвета. Розовый, синий, фиолетовый. Это норма.

Они не понимают. Я вижу это по их лицам. Для них розовый - не цвет волос. Это болезнь. Или проклятие. Или магия - опять магия, которой они боятся и не понимают.

Я не объясняю дальше. Бесполезно.

Они поливают меня чистой водой. Вытирают грубой тканью. Расчесывают волосы деревянным гребнем - теперь не больно, волосы больше не спутаны.

Потом надевают платье. Длинное, льняное, светлое. Я чувствую себя куклой. Мною управляют. Меня наряжают.

- Обувь? - спрашиваю я.

Молчание. Они не принесли обувь. Или им не велели.

Я вспоминаю башмаки в углу клетки. Ту девушку с русыми косами. Волчицу, которая рискнула помочь. Если я надену чужую обувь - ее выдадут. Я не хочу подставлять единственное существо, которое проявило ко мне доброту.

Лучше босиком.

Платье длинное - я путаюсь в подоле, делаю шаг и чуть не падаю. Не привыкла к такой длине. В моем мире я ношу джинсы, майки, кроссовки. А это... мешок, в котором не двинуться

Я делаю еще шаг. Снова путаюсь. Злость поднимается внутри.

- Да чтоб тебя, - рычу я.

И рву подол.

Громко. Грубо. Пальцы впиваются в ткань и дергают вниз. Лен трещит, поддается. Я рву до бедра, оставляя длинный разрез. Делаю шаг. Теперь не мешает. Разрез раскрывается, обнажая ногу - стройную, бледную, но подтянутую. Фитнес не прошел даром.

Женщины смотрят на меня с ужасом. Они не понимают - зачем портить новую одежду. Не понимают, что я не могу носить то, в чем не могу двигаться.

- Так лучше для ходьбы, - говорю я им. - Не путаюсь.

Мне нечего больше им сказать. Я выхожу из купальни босиком, с мокрыми волосами, струящимися по плечам, в пла-

ть с разрезом до бедра.

Меня ведут в комнату. Не в клетку - в комнату. Небольшую, с каменными стенами и узкой кроватью, застеленной грубым одеялом. Окно есть - стеклянное, в деревянной раме. За ним - двор.

- Жди здесь, - говорит одна из женщин. - За тобой придут. Уходят. Я слышу, как поворачивается ключ в замке. Снаружи.

Я одна.

Подхожу к окну. Волосы подсыхают, становятся легче, розовые пряди струятся по плечам, касаются щек. Я провожу рукой по ним - мои. Все еще мои, даже здесь.

И тут я слышу.

Шум. Голоса. Крики.

Я прижимаюсь лицом к стеклу. Смотрю во двор.

Они.

Много воинов. Адам - в центре, мрачный, тяжелый, черный. И напротив него - другой.

Незнакомец. Блондин. Волосы прямые, зачесаны назад, челка падает на лоб. Он выше всех - почти как Адам. Он шире в плечах - почти как Адам. Но он улыбается. При мне Адам ни разу не улыбался. Мне кажется, он вообще не знает, что это такое.

Ян.

Я слышала это имя. В лесу, когда меня хватали. «Ян этого так не оставит». И вот он здесь.

Окно приоткрыто - я слышу каждое слово.

- Мои люди нашли ее, Адам, - говорит Ян. Голос у него светлый, насмешливый. - Она упала на моей земле. Отдай добычу.

- Она в моем доме, - голос Адама низкий, тяжелый. - Значит - моя.

- Ты не имеешь права. По закону...

- Мне плевать на твои законы, Ян.

Я стою у окна, сжимаю пальцами подоконник, и слушаю, как они делят меня. Как вещь. Как территорию. Как добычу.

Злость поднимается изнутри, горячая, обжигающая.

Я не вещь.

Я - человек.

- Приведите ее, - вдруг говорит Адам. - Пусть посмотрит на того, кто хочет ее украсть.

Сердце пропускает удар.

Меня. Привести. В зал. Туда, где эти двое будут смотреть на меня, нюхать меня, делить меня.

Как звери.

Я отшатываюсь от окна. Сердце колотится где-то в горле. Внутри все сжимается - от страха, от злости, от унижения. Я не хочу идти. Не хочу, чтобы они смотрели. Не хочу быть выставленной напоказ.

Но выбора нет.

Я поправляю платье. Одёргиваю подол - разрез открывает ногу, но я ничего не могу с этим сделать. Расправляю плечи.

Поднимаю подбородок.

Глубокий вдох.

Я не покажу им страх.

Пусть смотрят. Пусть нюхают. Пусть делят.

Я - Ева, мать вашу. Я выжила после мужа-убийцы. Я перешла через грань миров. Я не сломаюсь перед двумя волками, даже если они Альфы.

Даже если от их взглядов у меня внутри все переворачивается.

Шаги в коридоре. Ключ поворачивается в замке.

Дверь открывается.

Тот же светловолосый воин - тот, что забирал меня из клетки.

- Идем, человечка, - говорит он. - Альфа ждет.

Я делаю шаг.

Глава.7

ВОЙНА ЗА ДОБЫЧУ

Меня ведут.

Те же трое мужчин, что забирали из клетки. Я иду между ними - босая, в рваном платье, с распущенными розовыми волосами, которые уже высохли и струятся по плечам. Я чувствую, как они касаются щёк, шеи, ключиц - лёгкие, почти невесомые. Мои. Единственное, что осталось от меня прежней.

Коридор длинный. Каменный. Светильники на стенах мерцают неровным, живым светом - тускнеют и разгораются, будто дышат. Шаги гулко отдаются от стен. Мои - тихие, босые. Их - тяжёлые, как удары. Каждый отзывается в висках.

Чувствую взгляды этих троих на своей спине, но не оборачиваюсь.

В зале - люди.

Много. Воины вдоль стен. Женщины в углах, с любопытством и страхом. Я вижу, как они переглядываются, как шепчутся, как тычут пальцами в мою сторону. Их взгляды впииваются в кожу - я чувствую каждый. И они - двое у помоста.

Адам.

Ян.

Я делаю шаг. Пол холодный - камень, как в клетке. Но теперь я чувствую этот холод иначе. Он идёт от ступней вверх, по ногам, по животу, добирается до сердца. Я не показываю, что дрожу. Не могу позволить им это увидеть.

Иду медленно. Каждый шаг - как по лезвию. Платье с разрезом открывает ногу при каждом движении - мелькает бледная кожа, стройное бедро. Я чувствую, как взгляды мужчин прилипают к этому разрезу. Я не планировала этого - просто порвала подол, чтобы не путаться. Но сейчас не прячусь. Пусть смотрят.

Я поднимаю подбородок.

Тишина становится плотной. Осязаемой. Её можно резать ножом.

Я дохожу до центра зала. Останавливаюсь. Воины, которые вели меня, отходят в сторону - и я остаюсь одна. Посередине. Босая. В рваном платье. С розовыми волосами, которые светятся в тусклом свете - неестественно, ярко, как пожар среди серых камней.

Ян смотрит первым.

Секунду - просто смотрит. Потом замирает.

Я вижу, как его взгляд скользит по моим волосам, по лицу, по разрезу платья. Задерживается там. На голой ноге. Спускается ниже - на босые ступни. Поднимается обратно - к пирсингу в носу, к сережке в ухе.

Он рассматривает меня. Как зверь, который увидел что-то новое. Непонятное. Опасное.

Я чувствую, как его взгляд обжигает. Как кровь приливает к щекам. Я ненавижу это чувство. Ненавижу, что не могу его контролировать.

Вижу, как его ноздри раздуваются. Как он втягивает воздух - громко, жадно. Как зверь, который учуял добычу.

Его запах добирается до меня – пламя, металл, что-то острое, мужское. Он не подходил. Он стоит на месте. Но запах уже здесь. В моих лёгких. В моей крови.

Его глаза меняются.

Были светлыми - янтарными, золотистыми. А теперь вспыхивают. Золото становится ярче, глубже – как расплавленный металл. В них загорается огонь.

Я не знаю, что это значит. Но мне страшно.

Я не показываю.

- Таких я ещё не видел, - говорит он. Голос светлый, но низкий. С хрипотцой. - Розовая. Босая. Упрямый взгляд.

Я хочу отвести взгляд. Не могу.

- Ты всегда так смотришь на мужчин? - его улыбка становится шире. - Или только на тех, кто может тебя забрать?

У меня пересыхает в горле. Но я не молчу.

- А ты всегда так нюхаешь незнакомок? - голос срывается, но я выдавливаю. - Или только тех, кто может тебя послать подальше?

Его улыбка не гаснет. Наоборот - становится опаснее.

Адам тоже смотрит. Я чувствую его взгляд - тяжелый, черный. Он уже знает мой запах. Он уже нюхал меня. Но сейчас

- когда смыта грязь, когда ушли посторонние ароматы - все иначе.

Я понимаю это вдруг.

Там, в лесу и в клетке, я пахла маслом. Массажным маслом из СПА, которое въелось в кожу. Потом - грязью, кровью, потом. Потом - дымом от костров и светильников.

А сейчас.

Сейчас я пахну собой.

И немного травяным мылом - тем, которым меня натирали женщины. Но его запах быстро выветривается. Остаюсь только я.

И я не знаю, какой у меня запах. Но по их лицам - по тому, как Адам сжимает кулаки, по тому, как Ян перестает улыбаться - понимаю: он не такой, как у всех в этом мире. Он их бесит? Злит? Тревожит? Притягивает? Я не знаю и не хочу это знать. Но он явно не оставляет их равнодушными.

Ян делает шаг ко мне. Всего один. Но мне кажется, что земля под ногами сдвинулась. Он наклоняет голову. Смотрит сверху вниз.

Я чувствую себя маленькой. Смешной.

- Забавная, - говорит он и поворачивает от меня голову к Адаму. - Она всегда такая дерзкая?

Адам делает шаг.

Не ко мне. К Яну. Он встает между нами - широкой спиной закрывает меня от светловолосого Альфы.

- Не твое дело, - говорит Адам ровным, тяжелым голосом.

- Становится моим.

- Она в моем доме, - продолжает Адам. Голос низкий, спокойный. - Значит - моя.

Я не понимаю его жеста. Зачем он меня перегородил? Я что, его вещь? Я выглядываю из-за его руки - и вижу, как Ян усмехается. Усмешка кривая - не такая легкая, как в начале.

- Мои люди нашли ее, Адам. Она упала на моей земле. По праву - она моя добыча.

- Я не добыча! - не могу молчать. Вырываюсь из-за спины Адама, делаю шаг вперед. - Эй, волки! Я, вообще-то, человек, а не кость, которую вы делите!

Ян смотрит на меня. В его глазах - интерес. Не злость. Любопытство.

- Мой волк ее учуял, - говорит Адам. Коротко. Веско. Голос низкий, твердый - как удар кулака по столу.

Ян замирает.

Я не понимаю, что значит «волк учуял». Но Ян понимает. Его лицо меняется - усмешка исчезает, глаза сужаются. Я вижу это - потому что снова выглядываю из-за широкого плеча Адама, который снова встал между нами. Вижу, как золото в глазах Яна вспыхивает ярче, как напрягаются его скулы.

- Ты лжешь, - говорит он тихо. - Это просто запах. Человеческая самка со странным запахом. Ты обознался.

- Я не обознался, - Адам даже не повышает голос. - Она моя.

«Моя».

Я слышу это слово. Не понимаю, что оно значит в их мире, в их законах. Но чувствую - оно тяжелое. Оно что-то решает. Что-то, о чем меня не спросили.

Я хочу спросить. Хочу выкрикнуть: «Что значит "моя"? Я не вещь!»

Но смотрю на Адама - на его напряженную спину, на сжатые кулаки - и молчу. Потому что чувствую: сейчас не время.

Снова выныриваю из-за спины Адама и пытаюсь понять, о чем речь.

Ян переводит взгляд с Адама на меня. Смотрит долго. Тяжело. С головы до ног. На мои розовые волосы, на разрез платья, на босые ноги.

- Ты всегда ходишь без обуви? - спрашивает он.

- Ты всегда посягаешь на чужую жизнь? - бросаю я в ответ.

Голос звонкий, резкий. Пусть слышит.

Ян усмехается.

- Твоя жизнь теперь здесь, розовая. И я хочу знать - стоит ли она того шума.

Адам делает шаг вперед. Ян не отступает. Не двигается. Стоит на месте - и даже тяжелый взгляд Адама его не пугает. Воины за его спиной напрягаются, я вижу, как у них загораются глаза - золотым, желтым, волчьим. Слышен тихий рык, от которого холод по спине.

Но Ян поднимает ладонь. Останавливает своих.

- Я уйду, - говорит он. - Не потому что ты убедил меня.

Адам молчит. Ему не нужны причины. Ему нужен резуль-

тат - чтобы Ян покинул его дом.

Ян смотрит на меня. Прямо в глаза. И улыбается - той самой акульей улыбкой, от которой мурашки бегут по коже.

- Я вернусь, чтобы забрать ее, - говорит он тихо уже глядя на Адама. - Не ради добычи. И на твои слова мне плевать. А потому что я хочу посмотреть, как она будет сопротивляться.

Он поворачивается ко мне. Смотрит в глаза.

- Мне интересно, - говорит он. - Что заставит тебя замолчать.

У меня перехватывает дыхание.

Ян делает шаг к выходу. Разворачивается.

И в этот момент я не думаю.

Рука хватает первое, что попало - с ближайшего стола вазу с яблоками. Я выхватываю одно. Круглое, красное, тяжелое.

Ваза кружится на столе - звонко, дребезжаще. Я слышу этот звук краем уха, но не оборачиваюсь. Не могу отвести глаз от его спины.

Ян оборачивается на звук.

И видит мое лицо.

Я зла. Так зла, что мир сужается до одной точки - до его нахальной улыбки, до его обещающих глаз.

Я бросаю яблоко.

Сильно. Метко. Не глядя - но оно летит прямо в него. Как будто само знает дорогу. Вся злость, все бешенство, вся

ярость за эти дни - в одном броске.

Ян ловит.

Не уворачивается. Ловит. Одной рукой. Смотрит на яблоко, потом на меня. Как будто он ждал. Как будто он знал.

Тишина.

Даже воздух перестал двигаться.

Улыбается.

И откусывает.

Хруст сочный, громкий в тишине зала.

Он жует. Смотрит на меня, не отрываясь. И подмигивает.

Нахально. Обещающе.

Как будто это не яблоко. Как будто это - я.

- Эй, яблоко раздора, - говорит он. - Я вернусь за тобой.

Разворачивается. И уходит.

Воины за ним - как тени.

Дверь закрывается.

Тишина.

Я стою в центре зала. Босая. В рваном платье. И чувствую, как дрожат руки.

Как колотится сердце. Как ноги подкашиваются.

Я сделала это. Я бросила в Альфу яблоком.

Я не знаю, что теперь будет.

Адам не двигается.

Стоит ко мне спиной - широкие плечи, напряженная спина. Его черная футболка кажется сейчас треснет на нем. Он смотрит на дверь, за которой исчез Ян.

- Ты... - начинает он.

И замолкает.

Поворачивается.

Медленно.

И я делаю шаг назад.

Потому что его глаза - они горят.

Чёрным огнём. Золотые искры в глубине - как раскалённые угли, как магма, которая прорывается сквозь землю.

Он смотрит на меня. На мои волосы. На разрез. На босые ноги. На пирсинг в носу. Всё это - в одном взгляде. Тяжёлом, почти осязаемом.

Я не знаю, что он видит. Но знаю, что он чувствует - потому что сама чувствую то же самое.

Страх. Гнев. И что-то ещё. Что-то, что нельзя назвать.

Его зрачки расширены. Дыхание тяжелое - грудь поднимается и опускается. Кулаки сжаты так, что костяшки побелели.

Он смотрит на меня не как на пленницу.

Не как на добычу.

Как на что-то, что может сжечь его дотла.

- Ты... - повторяет он. Голос хриплый, низкий. - Ты хоть понимаешь, что сделала?

Я не понимаю. Я просто бросила яблоко.

Но по его лицу - по тому, как он смотрит, как дышит - понимаю: это было не просто яблоко.

Я объявила войну.

Или вступила в нее.

И теперь отступать некуда.

- Понимаю, - вру я. - Я не молчаливая добыча, Альфа.

Он усмехается. Коротко. Рвано.

- Это я уже понял

Разворачивается. Идет к своему трону. Поднимается на возвышение. Садится.

- Уведите ее, - бросает воинам.

Меня хватают за локти. Ведут.

Я оборачиваюсь на ходу.

Адам сидит на своем месте - тяжелый, мрачный. Но смотрит мне вслед.

И в его глазах - огонь.

Тот, который я видела в первый раз, когда он меня нюхал.

Только сильнее.

Глубже.

Опаснее.

Огонь, который может сжечь дотла.

Меня. Или его самого.

И когда дверь закрывается за моей спиной, я чувствую - этот взгляд останется со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.